

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ СИСТЕМЫ ОСНОВОПОЛОЖЕНИЙ ЧИСТОГО РАССУДКА

Желательно полнее прояснить мотивы, которыми руководствовался Кант при написании второй главы аналитики основоположений в «Критике чистого разума». Реферирование «Системы всех основоположений (der Grundsätze) чистого рассудка», что, разумеется, не раз проводилось комментаторами, для этого прояснения необходимо, но это лишь предварительная часть работы. Сохраняется задача уточнения той теоретико-познавательной функции, которую в системе аналитики рассудка исполняют данные основоположения. Эту задачу надо понимать как ответ на вопрос, как именно и насколько они связывают чувственный и рациональный «слои» научного познания, по замыслу Канта. Надо и выяснить, в какой мере Канту удалось осуществить свой замысел конкретизации этой связи и какие выводы, дополняющие нашу оценку Кантовой гносеологии, должны быть отсюда извлечены.

Советскими кантоведами сделан определенный шаг в решении указанной задачи. Так, в недавно вышедшей в свет книге (1979) проф. Л. А. Абрамяна проблема роли синтетических основоположений чистого рассудка рассматривается как поиск ответа на вопрос о том, в каком смысле «чистое» естествознание предшествует эмпирическому познанию природы. Это можно понимать в том смысле, что Кант стремился выяснить возможность того, что некоторая часть содержания естественных наук предшествует суждениям опыта как априорная. Здесь, правда, в рассуждения автора вкралась некоторая нечеткость, вызванная тем, что в даваемых им формулировках не учитывается того, что не только в «суждениях опыта», но и в «суждениях восприятия» уже имеется свой априорный момент. С тем, что «кантовские «суждения восприятия» целиком и полностью апостериорны»¹, согласиться невозможно. А поскольку это так, то речь должна идти не о предшествовании априорной части естествознания в отношении другой, уже неаприорной, его части, но о соотношении между частями науки, пронизанными разными видами априорности — в виде основоположений, в виде категорий и в виде форм чистого созерцания. Но основоположения, в отличие от категорий, гораздо более содержательны.

Поскольку, согласно Канту, априорными могут быть не знания, но только их формы, то предшествование одной части содержания естественных наук другим означает предшествование форм, берущей на себя функцию содержания. Трансцендентальная дедукция чистых рассудочных понятий на ступени выявления синтетических основоположений чистого

рассудка в виде аксиом созерцания, антиципаций восприятия, аналогий опыта и постулатов эмпирического мышления вообще направлена на создание всего этого механизма не только с целью показать, в каком смысле высшие рассудочные формы естественнонаучного знания могли бы предстоять опыту в несодержательном смысле, в соответствии с тем, что Кант превратил положение об априорном «в идею не временного, а логического предшествования, в логическое *præius*»², но также и с целью выявления предшествования наиболее общего знания частному, общих законов природы — всем остальным ее законам. Кантово указание на специфически логический смысл такого предшествования хорошо известно, но важно иметь в виду наличие в положении об этом логическом предшествовании большого рационального зерна. Наиболее общие законы природы обладают силой методологического воздействия, устремленного в «будущее» науки, и при каждом новом исследовании природы эти законы в том или ином своем, прежде уже сложившемся, виде оказываются той предпосылкой, которую ученые вольно или невольно, но непременно вынуждены учитывать, с нею считаться и на нее опираться.

Без выявления наличия и состава наиболее общей части естествознания эта совокупность наук развиваться не может. «Кантова философия естествознания представляет собой не что иное, как последовательный ответ на вопрос: «Какими должны быть законы природы, чтобы она могла быть познаваема?»³. С этой трактовкой введения Кантом в «Критику чистого разума» системы основоположений чистого рассудка спорить не приходится. Но сказанная проблема не исчерпывается. Обратим внимание на некоторые следствия ответа Канта на только что поставленный выше вопрос.

Дело не сводится к тому, что законы природы, согласно Канту, должны быть такими, чтобы они опирались на некоторые фундаментальные законы, а последние, будучи априорными, должны быть приняты прежде всякого конкретного исследования природы, прежде всякого наблюдения и эксперимента. «Между» наблюдением и фундаментальными законами в науках должны, очевидно, располагаться различные другие их законы, априорная структура которых, в отличие от основоположений, определяется только обычными категориальными средствами; фундаментальные же законы априорны, как мы уже отметили, в особом, высшем смысле: их логическая (гносеологическая) форма не сводима только к категориям, и можно сказать, что перед нами здесь выступает априоризм общих принципов, в котором сама форма в наибольшей степени содержательна.

Согласно замыслу Канта, априорные основоположения естествознания одновременно дают простор построению наук и его же своими рамками ограничивают. Разумеется, Кант впал в

иллюзию, полагая, что этими рамками науки как таковые всегда будут вполне удовлетворены и никогда не попытаются их раздвинуть. Но некоторые из указанных Кантом «рамки», действительно, сохраняются в научном познании навсегда: таково, например, положение о неуничтожимости движения. И это уже не «рамки», а необходимые ориентиры познания. Механизм трансцендентальной дедукции чистых рассудочных понятий, имея целью продемонстрировать объективную значимость, т. е. всеобщность, наиболее теоретического естествознания как фундамента всякого знания о природе вообще, до некоторой степени эту цель, таким образом, достигает.

Но поразмыслим далее над тем обстоятельством, что априорные формы в случае основоположений оказываются у Канта не чисто формальной, но весьма содержательной частью наук о природе. Все время, разумеется, следует помнить, что под природой в эмпирическом смысле Кант имеет в виду «связь существования явлений по необходимым правилам, т. е. законам» (З, 279), а поскольку эти правила априорны, то, строго говоря, нет природы вне законов природы, а значит, вне науки о природе: у Канта оформившийся опыт тождествен естествознанию, которое, в свою очередь, тождественно природе (опыт = наука = природа). Основоположения внеэмпирического естествознания отличаются от категорий тем, что представляют собой соединение их с категориями, а также с чистыми формами времени и пространства, далеко не чуждое и собственно чувственному содержанию (материалу), хотя Кант по определению это отрицает. Кроме того, основоположения обладают некоторой своей специфичной, так сказать, надкатегориальной априорностью.

На самом деле, возьмем, например, третью аналогию опыта: «Все субстанции, поскольку они могут быть восприняты в пространстве как одновременно существующие, находятся в полном взаимодействии» (З, 274). В этом положении соучаствуют категории множественности, целокупности, реальности, самостоятельного существования и «общения» (взаимодействия), а также формы времени (одновременность) и пространства. Но кроме того здесь содержится указание на необходимость чувственного восприятия, и к тому же откуда еще, как не из чувственного материала опыта, могла бы быть заимствована констатация, что «субстанции», т. е. самостоятельные предметы, действительно в опыте оказываются, могут быть найдены и зафиксированы? На долю же самого априорного принципа в третьей аналогии приходится та связь, которая связывает все эти элементы в осмысленную целокупность. Эта связь не сводится к чисто логической и грамматической, у нее есть и самостоятельная семантическая, а значит, содержательная сторона, именно сцепляющая «субстанциальность» с «взаимодействием».

Что же касается того, что априорно-синтетическими основоположениями рассудка задаются способы соединения чувственной доопытности с рациональной, предохраняющие, по мнению Канта, от произвольности их сцепления при построении науки, то основоположения, предшествуя опыту не во временном смысле, сами тем не менее пронизаны временными, а также и пространственными отношениями. Пронизаны так, как это соответствует механической картине мира Ньютона, т. е. передовой физике времен Канта, которую он считает «естественно» вытекающей из рассматриваемых здесь основоположений. Следовательно, основоположения не только предшествуют опыту, т. е. созидаемой в науке «природе», в виде наиболее общей и абстрактной части последней, но и ориентируют опыт на «погружение» в наиболее частную и конкретную его сферу, т. е. в тот слой знания, где наука уходит своими корнями в эмпирические констатации, опирается на чувственный базис. Правда, укореняется и обретает чувственную опору благодаря определенным общим способам, которые и заданы основоположениями.

Сказанное означает, что основоположения чистого рассудка, по замыслу Канта, характеризуют также механизм приложения категорий к «суждениям восприятия», имплицитно указывая на посредствующие звенья этого приложения. Отнюдь не предсказывая будущие восприятия, а значит, основу опыта будущего, но предопределяя его наиболее общую структуру на все дальнейшее время развития научного познания, основоположения должны гарантировать от индивидуального произвола в научной деятельности. Продуктивная сила воображения порождает их на «стыке» трансцендентального схематизма и категорий рассудка именно для того, чтобы воображение не перерастало в фантазию и на других «стыках» между разными «слоями» конструкции науки.

Как известно, составляющие данный схематизм отдельные «схемы» суть правила образования чувственных образов на основе приложения к ним категорий: «в основе наших чувственных понятий лежат не образы предметов, а схемы» (3, 223). По характеристике Канта, «схема чувственных понятий (как фигур в пространстве) есть продукт и как бы (und gleichsam) монограмма о чистой способности воображения a priori» (3, 223). Иначе говоря, схема есть своего рода кентавр, «чувственное понятие предмета, находящегося в соответствии с категорией (der sinnliche Begriff eines Gegenstandes, in Ubereinstimmung mit der Kategorie)» (3, 226—227). Именно такой смысл имеют у Канта схемы постоянства во времени того, что реально, непрерывной последовательности во времени чего-то за тем, что было прежде, существования разных субстанций в одно и то же время и существования предмета в некоторое определенное время. И здесь всюду пространственные отношения как бы

впечатываются в рамки временных связей, что и видно на приводимых Кантом примерах чертежа треугольника и рисунка собаки.

Но Кант понимал, что трансцендентальный схематизм сам по себе слишком абстрактен и его структуры слишком переменны для того, чтобы в очерчиваемом им поле могло быть сооружено вполне определенное здание науки. С Кантовым схематизмом смогли бы поладить и схоласты-натурфилософы XIV века, хотя между их построениями и принятой Кантом механикой Ньютона оставалась значительная дистанция. Как писали ранее, в рамках схематизма сохраняется «выбор для гносеологически различных конкретных решений: остается неизвестным не только то, где, какую конкретно, в каком порядке категорию мы должны применять, но и то, где данная категория выступает в «полноправном» виде, а где она всего лишь кажимость»⁴. От угрозы впадения в субъективизм при применении категорий в опыте и должны, согласно Канту, более надежно предохранить основоположения чистого естествознания. Параграф «О применении категорий к предметам чувств вообще» второй главы трансцендентальной аналитики этой задачи не выполнял, ибо имел иную функцию.

Соответствуя универсальности действия трансцендентальной апперцепции, «объективность» чистых основоположений нацелена на то, чтобы предугадать некоторые общие характеристики «опыта», т. е. науки, в той определенности ее теоретического мышления, которая соединяет в себе чувственную предметность с рациональной упорядоченностью достаточно однозначным образом. Другое дело, что в действительности критический Кант вывел эти общие законы природы не априорно, но апостериорно, из научных построений Ньютона, а отчасти и Лейбница, в той или иной степени опиравшихся на экспериментальные данные. Опасаясь впадения в натурфилософские измышления, Кант, например, воздержался от конкретного формулирования аксиом наглядного созерцания, т. е. чувственной ситуации, и ограничился общим рассуждением о том, что, согласно этим аксиомам, всякое чувственное представление обладает определенностью в количественном смысле. Впрочем, это немало, ибо тем самым формулируется «принцип применения математики к опыту» (4 (I), 125) и обосновывается такое важное, хотя пока и недостаточно конкретное положение, как тезис о делимости физических объектов.

Отметим, что антиципации эмпирического восприятия ничуть не менее, чем аналогии опыта, призваны были представить единство природы, играя роль ее трансцендентальных законов (см. 3, 279). Различение четырех рубрик основоположений имеет привкус чрезмерной любви к дистинкциям, но, перемещаясь от аксиом к постулатам, можно обнаружить существенный факт повышения степени абстрактности и всеобщности.

Постулаты эмпирического мышления вообще, учитывая различные условия опыта, осуществляют общую программу распределения модальностей существования: то, что согласно с логическими условиями опыта, возможно, а то, чему соответствуют ощущения, действительно. То, наконец, что согласовано с категориальными условиями, должно быть охарактеризовано как необходимое. Достаточны ли эти постулаты для устранения опасности произвола и субъективизма при связывании категорий с чувственным материалом опыта? В абстрактном смысле — да, в конкретном — нет.

Мы имеем в виду то, что Кант решительно отвергает наличие каких-то «островков» в природе, которые находились бы вне действия категорий и законов науки. Но мы читаем: «Принцип непрерывности отрицает всякий скачок в ряду явлений (изменений) (*in mundo non datur saltus*), а также всякий провал или пропасть между двумя явлениями в совокупности всех эмпирических созерцаний в пространстве (*non datur hiatus*)»⁵, т. е. физически определенные утверждения науки, и они не могут вполне корректно вытекать из априорных основоположений Канта, ориентированных не на какую-то одну частную область процессов природы, а на все естествознание в целом. В принципе Кант не ставит вопроса как о нахождении правил, которые указывали бы, когда, где и какие именно категории надо применять в науке, так и о том, когда, где и в каких именно конкретных модификациях надо применять основоположения чистого рассудка. Не ставит потому, что ответов на эти вопросы он дать бы не смог. Появляющиеся у него отдельные чисто научные конкретизации следует поэтому отнести к числу непоследовательностей мыслителя. В принципе он намеревался ограничить свою задачу выявлением единства подхода ученых к материалу познания и обоснованием этого единства. Он стремился лишь к тому, чтобы легитимировать общую теоретическую форму номологических суждений, их генерализованную структуру, а значит, показать возможность самой их номологичности, т. е. так сказать, возможность необходимости их бытия в принципе. Мы хорошо знаем, что априоризм не в состоянии удовлетворительно разрешить эту задачу.

Сам Кант чувствовал обступившие его со всех сторон трудности. Поэтому он снова и снова напоминает, что «все основоположения чистого разума суть не более как априорные принципы возможности опыта (*nichts weiter als Prinzipien a priori der Möglichkeit der Erfahrung*) (3, 299)... Основоположения о модальностях «вообще не расширяют понятия о вещах, а только показывают, как оно вообще связывается с познавательной способностью» (3, 295). Дело в том, что превращение возможного опыта в действительный предполагает, что в чувственном материале опыта, до процесса предварительного оформления его априорными временем и пространством, наличествует не

абсолютный хаос, но некоторая «своя» артикулированность, расчлененность или, по крайней мере, «сопротивляемость» произвольному упорядочению этого материала и пластичность, так сказать, «уступчивость» к вполне определенному и закономерному упорядочению. Мысль об этом, полагаем, не была чужда Канту, и это видно, например, из его замечания о том, что «мы можем познать только необходимость существования состояний вещей, а не необходимость существования самих вещей (субстанций), и то на основании других состояний, данных в восприятии, по эмпирическим законам причинности» (3, 290). Это видно также из того общеизвестного факта, что Кант в тексте «Критики чистого разума» зачастую употребляет термин «вещи в себе», т. е. во множественном числе, хотя сам же напоминает, что никакие количественные характеристики к «вещам в себе» не применимы, ибо таковые вне пространственных и временных форм не возможны. Возникает предположение о существовании ноуменального пространства, аналогичное тезису Канта о существовании ноуменальных категорий или ноуменального применения категорий.

Именно наличие внутренней структуры материала опыта, в отличие от однородности чистых времени и пространства, предполагается заявлением Канта, что «до тех пор пока нет созерцания, неизвестно, мыслим ли мы посредством категорий какой-нибудь объект и может ли им вообще быть присущ какой бы то ни было объект» (3, 296). Поэтому, «...когда нам нужно привести примеры случайного существования, мы всегда ссылаемся на изменения, а не на одну лишь возможность мыслить противоположное» (3, 297). Ведь в абсолютном хаосе нет отчетливо выделяющихся изменений, ибо он весь есть, так сказать, сплошное и непрерывное, «неизменное» изменение.

Можно было бы сделать и несколько иной вывод, а именно предположить, что данное заявление Канта антиципирует наличие структуры у временных и пространственных форм, — структуры дискретной, «ячейстой», но притом анизотропной и вообще неоднородной, которая предопределяет некоторую одну определенную, а не иную артикулированность вещей и процессов в мире феноменов. Кантов пример с созерцанием движения точки в пространстве (3, 298) может быть переинтерпретирован и таким образом.

Определенный ответ на вопрос о существовании не зависящей от априорных форм структуре чувственно данного у Канта отсутствует. И он мог последовать у Канта только при условии его перехода на материалистические позиции. Как известно, это условие реализовано не было. Но мы должны помнить о другой заслуге Канта. Он показал, что все наши чувственные данные осмысляются нами и хотя бы просто переживаются на основе некоторых уже имеющихся теоретических предпосылок, а также теоретически оформленной, но филогенетически и онтогени-

чески определенно сложившейся структуры опыта. Р. Карнап и некоторые другие неопозитивисты из «Венского кружка» в 30-х гг. XX в. словно заново установили этот общий гносеологический факт. Но в действительности бесспорен приоритет Канта, как бесспорно и то, что задолго до неопозитивистов на этот факт указывали основоположники диалектического материализма. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» отметил, что в, казалось бы, беспредпосылочную эмпирию «прокрадывается традиционное толкование этих фактов»⁶. Гегель в «Науке логики» писал о «подчинении конкретного опыта определениям, принятым в качестве предпосылки»⁷, и В. И. Ленин в «Философских тетрадах» в этой связи оценил возрождение внимания к данному вопросу весьма высоко, оно приносит верные и глубокие мысли⁸. Хорошо известны также соображения Энгельса и Ленина о возможности филогенетического априори, возникшего, например, в случае элементарных законов и фигур формальной логики. Мы находим эти соображения в «Диалектике природы» и в «Философских тетрадах», и новейшие исследования подтверждают их правоту.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

За большие научные достижения и в связи с 60-летием профессору ИГОРЮ СЕРГЕЕВИЧУ НАРСКОМУ присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Редколлегия «Кантовского сборника» и кафедра философии Калининградского университета сердечно поздравляют его с присвоением этого звания и желают новых успехов в труде на благо советской философской науки.

¹ Абрамян Л. А. Кант и проблема знания. Ереван, 1979, с. 116.

² Там же, с. 152.

³ Там же, с. 161.

⁴ Нарский И. С. Западноевропейская философия XIX века. М., 1976, с. 70.

⁵ Такие «островки» Кант находит в совсем иной области, а именно в области приложения категорического императива практического разума к чувственно-эмпирическому миру жизни людей: без возможности такого приложения, т. е. проникновения этого императива в их жизнь, этика Канта потеряла бы всякий смысл.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20, с. 456.

⁷ Гегель Г.-В.-Ф. Наука логики. Т. 3. М., 1972, с. 278.

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29, с. 192.